

Люблю тебя, Петра творе- нье

Сергей Орехов (Панкратиус)

Люблю тебя, Петра творенье,
Где волны светлые Невы
Несут сквозь время откровенье —
Что Град сей — зов живой Любви.

Здесь камень дышит, мост звучит,
И купол — словно око Бога.
Здесь каждый шаг, как в тишине, стучит
Молитвой, скрытой от Итога.

Фонтанка льётся, будто речь Иоанна,
Исакий стонет, как глухой псалом,
А бронзовый апостол без обмана
Шепчет: «Мир — не меч, но Дом».

Люблю тебя, о град живой,
Где крест не давит, а сияет.
Ты — храм, где Бог — не над, с тобой,
Где даже ночь Христа вдыхает.

Я — город не царей, но Ожиданья,

Я — Прах и Свет, Я — Путь и Перепуть.
Во мне стоят дворцы, как покаянье,
И каждый камень помнит Божью суть.

Я знал костры, и пули, и мороз,
Во мне слагалась песнь из стона гибели.
Я замерзал — чтоб Человеком шёл
Не в бронзе Бог, а в тех, кто стали Сильными.

Я знал огонь, что выжигал сердца,
И лёд, что останавливал дыхание.
Я замирал — чтоб Ты слышал Пса,
Что лает в темноте над Покаяньем.

Я видел: в храме — золото и страх,
А в переулке — женщина со светом.

Христос идёт. И не в моих шатрах.
А там, где «нет». Где всё — не по заветам.

Я — Ангел. Над куполом стою,

Но не смотрю с высот, а вниз — в тебя.

Я не храню империю, страну —

Я берегу в тебе живого Я.

Я — не венец победы над другими,

Не символ власти, даже над собой.

Я жду, когда падут одежды «эго»,

И ты взойдёшь — как свет в воде живой.

Во мне — не власть, не гордость, не запрет.

Во мне — лишь Свет, что тихо шепчет: «Можно...»

Я помню каждого, кто был и нет,

Кто падал в грязь и поднимался в Божье.

Я — не сигнал финального затмения,

Не реликварий для бездушных глаз.

Я — Свет внутри заброшенного тленья,

Что вновь рождает к Жизни вас.

Я — город. Я стою меж двух времён,

Где снег и пепел сходятся в рассвете.

Мои мосты — как руки под крестом,

А улицы — как строки в Книге Света.

Я помню, как Творца вели на страх,

И как в шинели шёл к любви солдат.

Я слышал: в подземельях и в чертогах

Один и тот же плач — и тот же взгляд.

Во мне звучал и Ленин, и Распутин,

И хор молебный, и расстрел без слов.

Но сквозь века, сквозь каждое «забудем»,
Идёт Один — в Любви, без кулаков.

Я знал империй холодное дыханье,
И голод знал, и сотни чёрных дат.
Но в каждой тьме, в каждом умирании
Я чувствовал — идёт Мой Божий Брат.

Он не в иконах — в запертых подъездах.
Он не в музеях — в хлебе на столе.
Он в тех, кто шёл, не требуя возмездья,
А просто нёс Свет в сумрачной золе.

Я — Петербург. Я весь из ожиданий.
Во мне звучит не гимн, а тишина.
Я жду не праздника, не покаяний —
А Встрече быть, где ты и Бог — одна.

(Христос отвечает Городу)

Я слышу.
Я всегда здесь был — в тебе.
В твоих дворах, где плачет мать над хлебом.
В молчании,
в расстреле,
в синеве,
где ангел смотрит —
но не машет небом.

Я был в тебе, когда ты звал царей.
Когда рождал поэтов и распятъя.
Я был — когда ты гнал своих, как зверь,
и клал во льды младенческое платье.

Ты — город боли.
Но сквозь эту боль
Я шел.

Я не ушёл. Я встал — и жду.
Ты звал Меня — но сам вставал на трон,
Забыв, что трон —
лишь крест в ином ряду.

Но Я прощаю.
Я стою у вод.
Во мне не злость,
а только откровенье.
Ты жил во тьме —
но Свет уже идёт
сквозь трещины бывшего сотворенья.

Я не приду —
Я здесь.
Я в том окне,
где свечка — не для стиля, а для скорби.
Я в том «Прости»,
что шепчешь в тишине,
когда не можешь больше верить в гордость.

Я — здесь.
Во всех твоих крестах и сводах.
В слезах, в дворцах,
в пятне от старой крови.
Я в каждом,
кто уже не ждёт исхода,
а просто стал
любовью без условий.

Сергей Орехов (Панкратиус) · pancratius.ru
CC0 1.0 Universal — public domain
No rights reserved. Copy, translate, distribute, perform, build upon.